

УДК 332.1:338.1(470.6)

ББК 65.04(235.7)

К 60

Ю.С. Колесников

Доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем ЮФУ, г. Ростов-на-Дону. Тел.: (863)264-02-64, e-mail: kolesnikov.yur@yandex.ru.

Ж.Д. Дармилова

Доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и менеджмента Кубанского государственного университета, г. Краснодар. Тел.: (909)456-48-88, e-mail: darmil@mail.ru.

ТРАДИЦИОННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Рецензирована)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ: «Хозяйственные практики народов Северного Кавказа: этноэкономика — век XXI» (проект №15-02-00200)

Аннотация. В статье рассмотрены традиционные хозяйственные практики народов Северного Кавказа как элемент экономической структуры периферийного региона; показана их неразрывная связь с особенностями природных условий и форм организации социальной жизни; представлены типовые организационно-правовые формы хозяйственных практик населения горных и предгорных районов Северного Кавказа, составляющие сегмент этноэкономики (фермерские (крестьянские) хозяйства, личные подсобные хозяйства, личные товарные хозяйства, индивидуальное предпринимательство, предприятия малого предпринимательства). Статистически показана базовая (на примере Карачаево-Черкесской Республики) роль хозяйственных практик населения в воспроизводстве ресурсов экономики региона; обосновано и подтверждено материалами статистики и выборочного социологического исследования положение о высоком уровне товарности хозяйственных структур этноэкономики, их включенности в систему рыночных отношений; показано, что ресурсы этноэкономики могут быть при определенных институциональных условиях источником дополнительных ресурсов экономического роста в России.

Ключевые слова: традиционные хозяйственные практики, этноэкономика, экономическая архаика, хозяйственные уклады, ресурсы, воспроизводство, этническое предпринимательство.

Yu.S. Kolesnikov

Doctor of Economics, Professor, Main Research Worker North-Caucasian NII of Economic and Social Problems of SFU, Rostov-on-Don. e-mail: kolesnikov.yur@yandex.ru.

Zh.D. Darmilova

Doctor of Economic Sciences, Professor of World Economy and Management Department, Kuban State University, Krasnodar. Ph.: (909)456-48-88, e-mail: darmil@mail.ru.

THE TRADITIONAL ECONOMIC PRACTICES OF THE NORTH-CAUCASIAN PEOPLES AND THE PRESENT

Abstract. The paper considers traditional economic practices of the North-Caucasian peoples as part of the economic structure of a peripheral region. It shows their inseparable ties with the peculiarities of natural conditions and forms of organization of social life. The

authors examine typical organizational and legal forms of business practices of the mountainous and foothill areas of the North Caucasus population. They make the components segment of ethnoeconomics (farmer (peasant) farms, private farms, private commercial farms, individual entrepreneurship and small business). The scientific article reveals a basic role of economic practices in the population reproduction in resource regional economy (on the example of the Karachay-Cherkess Republic). It justifies and represents the statement of the high marketability level of ethnoeconomics economic structures, their inclusion in the system of market relations by means of statistics and sociological research. The authors draw a conclusion that thnoeconomics resources can be a source of additional resources for economic growth in Russia under certain institutional conditions,

Keywords: traditional economic practices, ethnoeconomics, economic archaics, economic structures, resources, reproduction, ethnic entrepreneurship.

Дискуссии о путях и способах перехода России к новой — несырьевой — модели экономического развития и роста, к тому же еще в условиях необходимости решать непростые задачи по импортозамещению в ряде важных для народного хозяйства страны отраслях производства [1; 2; 3, с. 32—65; 4, с. 79—91; 5, с. 70—75.] актуализируют проблему поиска дополнительных внутренних ресурсов для нужд реиндустриализации и наращивания инновационного сектора экономики российских регионов.

В связи с этим есть резон еще раз вернуться к вопросу о возможности использования в качестве такого дополнительного ресурса экономический потенциал традиционных хозяйственных укладов периферийных российских регионов, о способах и стратегиях конвертации их в ресурсы инновационной экономики. Эти проблемы ранее уже обсуждались в научной литературе в контексте общей концепции модернизации экономики России. В этом проблемном поле выполнено и опубликовано ряд исследований по Югу России [6]

Экономика России структурирована не только по горизонтали — в разрезе 83 субъектов Российской Федерации, весьма сильно дифференцированных по ресурсам и уровню социально-экономического развития, но и по «вертикали — по «экономике времени» [7], когда в воспроизводственной системе каждого региона сохраняются, сосуществуют и функционируют все исторически возникшие хозяйственные уклады и формы социальной организации, подобно геологическим слоям.

Их нельзя ликвидировать или одномоментно модернизировать. Раз возникнув, с течением времени они эволюционируют в экономической системе и переходят на ее периферию, сохраняя, однако, свои

воспроизводственные функции в сфере непосредственного производства ресурсов жизнеобеспечения, средств личного, семейного и общественного потребления, сохраняют свою производственную функцию и как таковые восполняют ограниченную часть ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения домохозяйств. И, хотя в этом сегменте экономики не производится дополнительная стоимость и как таковой он непосредственно не относится к рыночной экономике, его ресурсы, тем не менее, втягиваются в рыночные отношения, а созданная на их основе продукция (услуги) частично, спорадически, а в ряде случаев и регулярно превращается в товары, участвует в общем рыночном кругообороте жизненно необходимых для производства и потребления ресурсов.

Традиционные системы хозяйствования, как и другие, появившиеся позже (рыночная, плановая, смешанная), действуют и используются во всех без исключения странах, и их можно считать рациональными, поскольку они вносят определенный вклад в решение главной задачи экономики — максимизации потребностей с помощью имеющихся ресурсов [8, с. 51—55].

Экономический смысл и значение традиционных хозяйственных укладов впервые системно исследованы в получившей широкую известность книге Г. Мюрдала «Азиатская драма: исследование бедности народов», в которой автор, анализируя проблемы слаборазвитых стран Азии, выдвинул свою концепцию причин отсталости стран этого региона — господство архаичных, устарелых институтов и воззрений, пронизывающих всю систему их социальной и духовной жизни и формирующих фундамент их экономики — традиционных систем хозяйствования. Г. Мюрдель считал, что данные особеннос-

ти должны быть преодолены в процессе модернизации [9].

1. *Теоретико-концептуальная модель функционирования хозяйственных практик народов Северного Кавказа*

Каждый этнос в своем историческом развитии, в процессе этногенеза имеет свой устойчивый ареал расселения и территорию, которую он осваивал. В процессе адаптации к уникальной природной, хозяйственной, культурной среде у него сформировались своеобразные практики и институты хозяйствования. Необходимость выживания в различных природно-климатических условиях, когда результаты хозяйствования и способы обеспечения жизненными ресурсами этносов зависели не столько от «эффективности» труда, сколько от степени соответствия хозяйственных технологий, приемов труда, способов производства ресурсов и социальной организации хозяйственных процессов специфическим особенностям среды обитания (ландшафта, климата, состава природных ресурсов и т.п.), обусловила формирование и социальное закрепление видов и особенностей хозяйственных практик.

Исторически складывающиеся хозяйственные практики и экономические предпочтения этносов определяются характером среды обитания и общим уровнем социально-экономического развития локальной территории, где проживает этнос.

Таким образом, готовность представителей разных народов к освоению определенных технологий, форм организации хозяйственной деятельности имеет этнокультурные корни. Степень этой социально-закрепленной готовности зависит от устойчивого опыта взаимодействия того или иного этноса с окружающей средой, сложившихся трудовых навыков и способов организации хозяйственной деятельности в локальных условиях природной среды обитания [10].

В случае их длительной стабильности эти условия превращаются в устойчивые доминанты (константы) и определяют социальную инерцию принятия определенных хозяйственных практик и институтов социально-территориального сообщества этноса.

Традиционные институты регулирования хозяйственной деятельности имеют значительные адаптационные возможнос-

ти, обладают огромной устойчивостью существования, выполняют весьма важную стабилизирующую роль, противодействуя крайностям революционных изменений и нестабильности. Они широко распространены в современном индустриальном мире. В современной науке в значительной степени сгладилось типичное для ранних теорий модернизации противопоставление традиционных и модернизированных этносов.

Принципиальная новизна подхода к судьбам малых народов, создавших в экстремальных условиях (арктических, высокогорных, пустынных и др.) своеобразные типы этнических экономик и культур, выразилась в отказе от усилий по их ускоренной интеграции в экономику и образ жизни урбанизированного этнического большинства. Зачастую данный подход может выступать альтернативой приоритету экономической рентабельности хозяйствования и использования ресурсов, однако он, несомненно, лежит в русле современных концепций, предполагающих переход от использования ресурсов к их воспроизводству.

Национальные модели рынка во многом детерминируются особенностями исторического и культурно-психологического развития соответствующего этноса. Мировая практика подтверждает, что развитие национальных экономик во многом зависит от того, насколько учитываются конкретно исторические и национальные особенности. Считается, что страна преуспевает в основном в тех секторах, которые в наибольшей степени отвечают исторически сложившимся условиям и национальному характеру. Развитие данных секторов инициирует другие отрасли, в силу чего экономика начинает функционировать как динамичная система. Ярким примером здесь служит опыт Японии, Южной Кореи, Китая, которые при формировании рыночных отношений не пошли по пути всеобщей либерализации, а сохранили на начальных этапах преобразований контроль со стороны государства, смогли учесть национальную специфику, характерную для азиатской организации общества.

Появление и распространение новых видов и институтов регулирования хозяйственно-экономической деятельности в традиционной этнической среде воз-

можно лишь при условии обеспечения сбалансированного развития всех элементов социального воспроизводства этносов, сформировавшихся на протяжении их длительного исторического развития. В этом случае экзогенная социохозяйственная новация, не соответствующая условиям окружающей природной среды и сложившимся хозяйственным практикам этносов, вызывает социальное отторжение, шок, стресс и откат к архаичным формам традиционных социально-хозяйственных отношений [11, с. 35—42].

Неслучайно, как показывают региональные исследования [12], унаследованные от прошлого периода развития этноса хозяйственные практики и свойственные им социальные институты особенно укрепились под влиянием стремительно внедряемых новаций рынка.

В период рыночной трансформации экономики периферийных полиэтнических регионов рыночные новации «шоковой терапии», не адекватные системе традиционных хозяйственных практик и сложившейся системе их социальной организации, привели к возрождению традиционных патриархальных отношений и клановости как форме страхования от неопределенности и высоких рисков изменения окружающей среды, что привело в конечном итоге к натурализации хозяйственных отношений, углублению патриархальности и «новой архаике». «Рыночный фундаментализм», — как замечает известный исследователь Северного Кавказа В.В. Черноус, — «будет разбиваться о традиционные структуры, адаптация к которым в реальных условиях будет воспроизводить теневые и криминальные формы» [13].

Традиционные хозяйственные практики и сложившиеся социальные институты, составляющие основу воспроизводства этноса, невозможно отменить. Традиции, сложившиеся исторически, технологии хозяйствования и способ социальной организации хозяйственной жизни образуют своеобразную колею, коридор, поддерживающий инерционность развития этносов, устойчивость и целостность его воспроизводства [10, с. 104].

Эта часть экономической воспроизводственной системы этноса получила название этноэкономики.

Совокупность традиционных хозяйственных практик этноса (этноэкономика) во многом отражает этнические особенности адаптации и преодоления деструктивных явлений рыночной организации экономики. Приспосабливаясь к новым экономическим отношениям и резкому падению жизненного уровня, домашние хозяйства в обстановке, когда общественное производство и состояние рынка труда оказались во многом неспособными удовлетворить жизненные потребности населения, смогли, обратившись к традиционным формам хозяйствования, привести в действие дополнительные трудовые, материальные и финансовые ресурсы, имевшиеся в их потенциале. Традиционные хозяйственные практики и институты в условиях перемен, трансформаций выполняют функции социальной защиты этноса от нестабильности и неопределенности внешней среды. Традиции, поддерживая социальные институты, регулирующие хозяйственную жизнь этноса, обеспечивают инерционность развития, консервируют сложившийся технологический уклад.

Вместе с тем значение и социально-экономические последствия этих процессов оцениваются как противоречивые и неоднозначные. Архаические типы производства, базирующиеся на реликтовых технологиях, низкоэффективны и невосприимчивы к модернизационным импульсам. Конкуренция между хозяйственными укладами за ограниченные ресурсы приводит к тому, что трудовые ресурсы оттягиваются в мелкотоварное производство и реликтовые технологические уклады, а финансовые и материальные — перетекают в транзакционный сектор и крупные формы хозяйствования.

Традиционная хозяйственная практика слабо связана с другими хозяйственными секторами, что позволяет им существовать автономно, в меньшей степени подвергаясь кризисному воздействию. Однако их устойчивость подпитывается и тем, что она является большей частью теневой, а, следовательно, практически безналоговой. В то же время, следует подчеркнуть, что в условиях современных институтов развития предпринимательская деятельность, организуемая в соответствии с этническими принципами, неконкурентна. В конкурентном отношении такие предприниматели

будут неизбежно проигрывать более подготовленным для экономического соревнования рыночным агентам — инновационно-ориентированным, глобализированным и транснациональным соперникам, в экономической практике которых родственные и межэтнические связи уступают место безликому профессионализму и образованию высокого качества. Передача информации по внутриэтническим каналам заведомо проигрывает Интернету и спутниковой связи... [14, с. 273—274].

Западные исследователи этнического предпринимательства отмечают особую роль субкультурного измерения этничности — социальных структур, посредством которых члены одной этнической группы связаны друг с другом, и способы их использования. Эти социальные структуры состоят из двух частей: 1) сетей родства и дружбы, вокруг которых выстроены этнические сообщества, 2) переплетение этих сетей с позициями в сфере хозяйства (рабочие места), в пространстве (жилье) и в гражданском обществе (институты). Следует отметить, что в западной теоретической традиции под этническим предпринимательством понимаются, как правило, хозяйственные практики этнических эмигрантов (*ethnic owners*), образующих собственную хозяйственную нишу в экономической среде страны пребывания, а не виды хозяйственной деятельности автохонных этносов, сложившиеся исторически в данной природохозяйственной среде [15, с. 340—352].

Этничность приобретает тогда, когда социальные связи между членами этнической группы помогают сформировать особые профессионально-хозяйственные образования или социально-территориальные общности, которые способствуют частым и интенсивным личным контактам, вырабатывающим чувство общности и идентификации с членами своей этнической группы. Этнические образования порождают общие этнические интересы, тем самым усиливая чувство идентичности, а конкурентная деловая среда способствует усилению и росту этнического самосознания и солидарности.

Таким образом, современная экономика, эволюционируя под воздействием процессов глобализации, является, тем не менее, «наследницей» предшествующих

форм экономического строя обществ и находится под сильным влиянием особенностей этих сохранившихся предшествующих хозяйственных укладов, сколь бы архаичными ни казались они современному взгляду.

В этих хозяйственных укладах сохраняются и воспроизводятся не только традиционные формы экономических практик, но и элементы традиционной культуры, норм и правил поведения, общения, организации повседневной жизни, поэтому процессы модернизации охватывают не только индустриальные формы экономических практик и хозяйственных отношений, но и унаследованные территориально-хозяйственные уклады, имеющие ярко выраженные этнические истоки формирования.

Под территориально-хозяйственными укладами понимаются однотипные по социально-экономическому признаку группы пространственных социально-экономических систем, интегрированных с окружающим пространством (ландшафтно-природными компонентами).

В литературе в связи с этим выделяются два «домодернизационных» уклада — полунатурально-домохозяйственный и мелкотоварный [16; 17].

И хотя они модифицируются под влиянием рыночных отношений, включаясь в той или иной степени в «рыночные цепи», тем не менее, эти два уклада можно отнести к тому сегменту хозяйственной системы переходных обществ, которые идентифицируются как этноэкономика («этническая экономика», «неформальная экономика»).

Полунатурально-домохозяйственный уклад характеризуется органическим единством домохозяйственной деятельности и семейно-бытового самообслуживания, исполнительностью, жизнестойкостью, адаптивной гибкостью к изменяющимся условиям внешней среды, мобильностью трудовых ресурсов и минимальными транзакционными затратами для производства товаров и услуг.

Локальными условиями воспроизводства этого хозяйственного уклада являются, как правило, территориальная изолированность от центров экономической активности, низкая плотность экономического пространства и доминирование

регулятивных функций неформальных институтов и фрагментарность влияния рыночных институтов, ограниченность хозяйственной специализации, устойчивая и непосредственная зависимость от природно-климатических, ландшафтных и экологических ресурсов территории.

Мелкотоварный уклад включает в себя структуры мелкого предпринимательства — крестьянские (фермерские) хозяйства, личные товарные хозяйства, товарищества, индивидуальных предпринимателей. Для хозяйствующих субъектов этого уклада свойственны оперативность реагирования на рыночный спрос, мобильность маневра ресурсами, гибкость форм организации и управления производством.

Локальные условия функционирования мелкотоварного уклада определяются включенностью его субъектов в рыночные связи и отношения, наличием кооперационных связей и конкурентных отношений в системе малых форм производственно-хозяйственной деятельности.

Таким образом, под этноэкономикой понимается территориально-локализованный исторически сложившийся на базе хозяйственного уклада этноса сегмент экономики, характеризуемый господством традиционных, преимущественно аграрных форм хозяйственной деятельности, натуральных и мелкотоварных форм производства, неразвитостью обмена, замкнутостью домохозяйств, экстенсивной занятостью, доминированием ручного труда и эмпирического хозяйственного опыта, использованием кустарных ремесел, надомного труда, низкой социальной и пространственной мобильностью населения.

2. Институциональные ограничения традиционных хозяйственных практик в условиях Северного Кавказа

Сегодня имеется достаточное количество профессионально добротных работ по российскому Кавказу, чтобы сложилось системное представление о характере институциональной среды хозяйственно-экономической деятельности в регионе.

Крупные обобщающие труды по Северному Кавказу изданы научными коллективами Института экономики РАН, Южного научного центра РАН [18], Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития РФ и Российской академии наук [19; 20; 21], Российской Академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ [22], Южного федерального университета [23].

Перспективные аналитические исследования по проблематике Северного Кавказа выполнены в последние годы С.Б. Галичевой, И.П. Батаевым, О.С. Белокрыловой, А.Г. Дружининым, О.В. Иншаковым, Р.А. Канцеровым, Н.П. Кетовой, И.В. Митрофановой, В.Н. Овчинниковым, А.Х. Тамбиевым, В.В. Черноусом [24].

В этих работах в той или иной степени обосновывается положение о том, что ключевые предпосылки для формирования благоприятных институциональных условий экономической модернизации — гарантия прав собственности и принуждения к исполнению контрактов — в сложившейся практике экономического поведения хозяйствующих субъектов на Северном Кавказе во многом отсутствуют. Это обстоятельство обуславливает ряд негативных процессов в экономике и предпринимательской деятельности.

Первое — отсутствие у предпринимателей заинтересованности в долгосрочных вложениях, поскольку права собственности не гарантированы и в результате действий конкурентов, государственных структур или криминала могут быть перераспределены или изъяты (рейдерские захваты, неправомерное судебное решение, насильственное изъятие криминалом). Покупка бизнесом, предпринимателями или просто жителями Северного Кавказа недвижимости в соседних регионах (Ставропольском крае — Кисловодск, Пятигорск, КавМинводы, Краснодарском крае — Сочи, Туапсе, Анапа и др.) — тому подтверждение; то есть, при наличии инвестиционных ресурсов отсутствует стимул к их производительному использованию на месте — в регионе проживания.

Второе — существование серьезных ограничений и проблем в деле превращения накоплений домохозяйств в капитал, то есть отсутствие условий капитализации накопленных ресурсов домохозяйств. Например, в Кабардино-Балкарии существует мораторий на приватизацию земли. Земля находится в собственности домохозяйств, но ее границы закреплены неформальными правилами, с ней осуществляются сделки, которые в локальных рамках поселения носят легитимный характер.

Однако, не оформленное официально право собственности на землю, не позволяет включать земельный надел в рыночный оборот или предлагать в качестве залога.

Третье — сложившийся механизм судебной защиты испытывает огромное давление неформальных практик, во многом зависит от позиций клановых, религиозных сообществ, принадлежности к «титупной нации» и т.п.

Как отмечают специалисты, в нормативном пространстве республик Северного Кавказа сталкиваются несовместимые нормы разных типов социальной самоорганизации: с одной стороны — нормы адатной регуляции, допустимые в примордиально-этнических сообществах и, с другой стороны — нормы современной европеизированной системы абстрактного права и сложной системой судопроизводства [25, с. 44].

Путь установления баланса между ними проходит через признание наличия нормативного плюрализма в социально-правовом пространстве российского Кавказа.

Очевидно также, что необходимо учитывать ослабление (или утерю) частью населения российской гражданской идентичности и необходимость преодоления закрытости адатных сообществ, в том числе путем сохранения этнического полиюридизма [25, с. 50].

В силу этих институциональных особенностей функционирования экономических структур на Северном Кавказе модернизация здесь предполагает необходимость более адекватной по содержанию и органичной по формам реструктуризации хозяйственных практик.

Развитие российского Кавказа как периферии обусловлено тремя основными факторами:

а) значительная часть его территории — 2/3 — относится к горным и предгорным территориям анклавного типа, условия ведения хозяйства на которых требуют высоких издержек производства и системы расселения, где доминируют малые и мельчайшие поселения;

б) замкнутость, отсутствие развитых коммуникаций и высокие транспортные издержки;

в) фрагментарность и во многом анклавный характер местных рынков, низкий платежеспособный спрос населения.

С точки зрения чисто экономической логики, для инвесторов, крупных корпораций, топ-менеджеров, наемных работников «вхождение» в регион представляется мероприятием с большими рисками.

В то же время происходящий ныне процесс концентрации ресурсов и капиталов, их локализация в крупных городских агломерациях ведет к «сжатию» социальных локалитетов и хозяйственному опустыниванию периферийной экономики. В результате зона периферийности экономики региона расширяется, консервируются ее архаичные фрагменты, а государственная политика и стратегии модернизации сталкиваются с возрастающими трудностями и рисками.

Следует отметить, что экономическая архаика и хозяйственная многоукладность сохранялась здесь на протяжении всего XX в. и в силу сложившейся хозяйственной специализации, культивируемой Центром. Имеющиеся экспертные оценки специалистов по истории развития промышленности на Юге России позволяют утверждать, что регионы республик Северного Кавказа в советский период целенаправленно развивались Центром по типу сырьевых регионов [26], поддерживая формирование их хозяйственной специализации, исходя из особенностей естественных ресурсов и природных условий этих регионов (сельское хозяйство и отрасли топливно-энергетической промышленности). В то же время регионы, относящиеся ныне к Южному федеральному округу, имели возможность развиваться по типу промышленных регионов, в хозяйственной специализации которых были представлены сельскохозяйственное, энергетическое и транспортное машиностроение, приборостроение, химическая промышленность, пищевая промышленность и др. [27].

Размещение производства на Северном Кавказе объективно становилось в зависимости от ресурсов региона [27].

Фактическое отставание горной и высокогорной частей региона от макроэкономической динамики, фрагментарность промышленного развития, во многом искусственная специализация локалитетов в области отдельных отраслей машиностроения, гидроэнергетики, горнодобывающей промышленности, изъятия из

сельскохозяйственного оборота ценнейших земель, фактическое уничтожение горно-долинного садоводства привели к тому, что трудовые ресурсы по качеству и численности все более не соответствовали реальному экономическому спросу, нарастала диспропорция факторов производства в экономике региона (аграрному перенаселению, отсутствию собственных инвестиций, потере мотиваций к экономическому росту) [28, с. 67—70].

Отказ государства в период рыночной трансформации поддерживать прежние социальные стандарты (полная занятость, обеспечение жильем, медицинское обслуживание и т.п.) предопределил частичную реанимацию архаичных социальных институтов этноэкономики: большой семьи, многочисленного и сильного рода или клана, архаичные формы общинного регулирования имуществом и землей, возрастание влияния адатных структур и т.п., а система социального вспомоществования становится двухуровневой: первый — государственная система пенсий и пособий и второй — социальный капитал и материальный ресурс семьи, рода [28]. С учетом этого строятся все практики в области этнической экономики.

Причем, характерно, что в отличие от равнинных территорий, где доминировал «колхозно-совхозный» строй в сельском хозяйстве, в горных республиках Северного Кавказа сельхозугодья были оставлены в личном пользовании крестьянских семей, использование которых позволяло населению региона иметь относительно высокие доходы. И хотя государство не финансировало в этих районах жилищное строительство, население этих территорий имело возможность строить одноэтажные (а иногда и двухэтажные) дома на каменной или кирпичной основе [29].

Таким образом, исторически сложившаяся хозяйственная сырьевая специализация Северного Кавказа, формы хозяйствования обусловили закрепление здесь архаичных, этноориентированных хозяйственных укладов, неоднократные попытки модернизации которых в 60-х гг. XX в. — начале XXI в. не привели к желаемым результатам, что стало одной из «продолженных» причин сохранения в настоящее время высокого уровня проблемности Северного Кавказа.

Одной из особенностей в традиционных хозяйственных практиках на Северном Кавказе явилось поддержание всеми социальными институтами сбалансированного природоохранного землепользования и общинной заботы об охране окружающей природной среды.

На Северном Кавказе, особенно в его горных районах, рано установилась частная собственность малых семей на возделываемую землю при сохранении собственности общины на пастбища, леса, большинство покосов [6]. Особенность организации хозяйственной жизни проявлялась в стойкости общины, живучести патриархально-родовых отношений, в отсутствии крупного собственного хозяйства феодалов, практики использования барщинного хозяйства и отработочной ренты, доминирование в хозяйственных отношениях в основном форм натуральной ренты.

Традиционное природопользование имеет на территории глубокие исторические традиции. Хозяйственные практики народов региона адаптированы в течение многих поколений к условиям предгорной и горной зон.

Традиционное землепользование, например, балкарцев в основном базировалось на общинном и частном землепользовании. Участки в основном равномерно были распределены между отдельными землепользователями (семьями). Равномерно распределялся скот по территории, местное население осуществляло умеренный выпас, щадящий хрупкую природу предгорий.

Развитие современного этнического предпринимательства связано с возрождением природоохранных форм хозяйствования. В частности, в фермерских хозяйствах, которые организуют члены одной или нескольких семей, численность стада составляет несколько сот голов, организация выпаса устроена рационально: овцы пасутся на пастбищах различного типа и полнее используют травостой, то есть малые формы предпринимательства на селе по своей «вписанности» в природные особенности ландшафта на основе традиционных форм землепользования и скотоводства являются по этому социально-экологическому критерию более эффективными. Следовательно, система природопользования и хозяйствования в горах

Таблица 1

Структура валовой добавленной стоимости (% к итогу) [32, с. 363, 501—511]

Сельское хозяйство, охота и рыболовство	18,5
Добыча полезных ископаемых, производство электроэнергии, обрабатывающие производства, строительство	32,4
Сфера услуг (торговля, транспорт, связь, здравоохранение, образование, госуправление и др.)	47,7
Другие виды	1,4
Итого	100,0

в настоящее время трансформируется и государственная поддержка ее развития должна учитывать опыт традиционного природопользования [30, с. 311—315].

Таким образом, хозяйственные практики народов Северного Кавказа формируются не только под воздействием традиционных форм социальной организации — общинного и частного землепользования, — но и императивов сохранения и воспроизводства ограниченных и ранимых природных ресурсов, — императивов, выработанных и проверенных в течение столетий применения этих хозяйственных практик.

Устойчивые традиционные формы хозяйствования не вписываются в политику жесткой рыночной конкуренции и частной хозяйственной авторкии, автоматизации хозяйственных отношений.

Возникающие из недр развития этноса институциональные ограничения хозяйственных практик должны быть учтены в современной региональной экономической политике, основанной на императивах рыночной экономики — индивидуализм, конкурентоспособность, эффективность, экономическая обособленность и др.

Проанализируем роль и масштабы традиционных хозяйственных практик населения в экономике периферийных регионов на примере Карачаево-Черкесской Республики.

3. Ресурсы традиционных хозяйственных практик (этноэкономики) населения Карачаево-Черкесской Республики

Хозяйственные практики населения реализуются в организационно-правовых формах личного подсобного хозяйства, личного товарного хозяйства, фермерского (крестьянского) хозяйства, индивидуального предпринимательства. Личное подсобное хозяйство в ряде случаев боль-

шую часть продукции производят не для личного потребления, а на продажу, фактически превращаясь в форму товарного хозяйства.

В Карачаево-Черкесской Республике в государственном реестре в 2015 г. зарегистрировано 95 тыс. личных подсобных хозяйств (ЛПХ), в т.ч. 75 тыс. в сельской местности (79 %) и 20 тыс. в городских округах (21 %), фермерских (крестьянских) хозяйствах 2538 и 10016 индивидуальных предпринимателей [31].

В сфере этноэкономики занято 107825 человек (48% экономически активного населения — рассчитано по [32]).

Совершенно естественно, что мелкое товарное хозяйство в своей массе формирует аграрно-услуговой профиль экономики КЧР, что иллюстрирует структура валовой добавленной стоимости (таблица 1).

Между хозяйствами населения и фермерскими (крестьянскими) хозяйствами сложилась определенная специализация: в хозяйствах населения производятся в основном трудоемкие виды продукции (яйца — 79,2%, молоко — 72,9%, картофель — 65,5%, мясо крупного рогатого скота и птицы — 48,7 %, овощей — 40,5%), в фермерских (крестьянских хозяйствах) — более капиталоемкие виды сельхозпродукции (шерсть — 66,4%, подсолнечники — 42,5%, сахарная свекла — 37,8%, зерно — 37,8%, картофель — 19,1%, молоко — 19,3%).

Таким образом, в структуре производимой продукции в сфере традиционных хозяйственных практик (этноэкономики) производится в среднем 61% трудоемких видов сельхозпродукции и 37% капиталоемких видов сельхозпродукции; то есть, в сфере этноэкономики производится фактически 50% всей ресурсной базы народного хозяйства Карачаево-Черкесской

Республики, а в аграрной сфере — 70,4%. В общем объеме производимой с/х продукции на сегмент этноэкономики приходится 70,4%, в том числе в хозяйствах населения — 50,9%, в фермерских (крестьянских) хозяйствах — 19,5%.

К этой категории производителей следует присовокупить предприятия, регистрируемые как действующие в сфере малого бизнеса — их 3,7 тыс. со средней списочной численностью 10,2 тыс. чел., объем производимых товаров и услуг составил 37,0 млн р. [33].

В обороте розничной торговли малый бизнес составляет более 50%, что еще раз подтверждает, что основой экономического благополучия населения являются, во-первых, ресурсы, воспроизводимые в сфере традиционных хозяйственных практик (этноэкономики), во-вторых, перераспределение и реализация большей части производимой ими продукции в системе локальных (региональных) рынков свидетельствует о высоком уровне их товарности, что, безусловно, делает эти хозяйственные практики интегрированными в системе рыночных отношений.

Эта отличительная характеристика хозяйственных практик населения региона, свидетельствующая о новом этапе эволюции хозяйствующих субъектов этноэкономики на третьем десятилетии рыночной трансформации экономики периферийных регионов, была верифицирована в ходе выборочного социологического исследования индивидуальных предпринимателей, глав фермерских (крестьянских) хозяйств, личных подсобных (товарных) хозяйств.

Реализация пилотажного полевого экономико-социологического исследования была осуществлена в 10 населенных пунктах Карачаево-Черкесской Республики, в том числе городах Черкесск и Карачаевск, сельских районах — Зеленчукском и Малокарачаевском районах. Всего было опрошено 421 предприниматель (объем выборки — 3,5%), в том числе 70 фермеров, 287 владельцев личных подсобных хозяйств, 64 индивидуальных предпринимателя.

Кроме того, был проведен опрос пяти экспертов — руководителей профильных департаментов администраций Черкесска, Зеленчукского и Урупского районов

КЧР о степени развития в поселении видов предпринимательской деятельности и о позициях на местных локальных рынках малого бизнеса и представителей индивидуального предпринимательства, фермерских (крестьянских) хозяйств и населения [34].

По оценке экспертов, профильными видами хозяйственной деятельности на территории указанных районов (их эксперты оценили как «высокий» и «средний» уровень развития) являются:

- отгонное скотоводство;
- собирательство (грибы, ягоды, травы);
- розлив воды из минеральных источников;
- строительно-ремонтные работы;
- местный туризм, обслуживание горнолыжных трасс;
- гостиничное обслуживание;
- общественное питание в местах отдыха и туризма;
- конно-спортивные услуги;
- транспортные услуги (извоз);
- мелкий ремонт одежды, обуви;
- заготовка и переработка древесины;
- торговля изделиями и продукцией других производителей.

Продукция этих видов хозяйственной деятельности населения, по оценке экспертов, занимает 80—100% всего объема товаров и услуг, реализуемых на местных локальных рынках (таблица 2).

Весьма характерным оказалось и распределение торговых мест на специализированных и универсальных рынках между представителями различных форм предпринимательской деятельности.

Таким образом, на местных локальных рынках доминируют индивидуальные предприниматели и частные лица, реализующие продукцию, производимую в ЛПХ (ЛТХ) или занимающиеся перепродажей товаров.

Крестьянские (фермерские) хозяйства представлены в составе торговых мест на местных рынках в меньшей степени, так как реализацию своей продукции осуществляют в основном через крупные сетевые торговые фирмы.

Анализ материалов опроса предпринимателей, фермеров и представителей ЛПХ (ЛТХ) позволяет подтвердить гипотезу

Таблица 2

Распределение торговых мест на местном рынке (в % к итогу)

	Категории предпринимателей	Черкесск	Карачаевск	Зеленчукский район
1.	Индивидуальное предпринимательство	95,0	38,0	80,0
2.	Крестьянские (фермерские) хозяйства	0,5	19,0	1,6
3.	Частные лица (население)	4,0	40,0	9,0
4.	Личные подсобные хозяйства	—	—	9,4
5.	Юридические лица	0,5	3,0	—

тезу о высоком уровне товарности их хозяйственной деятельности и масштабах вовлекаемости в оборот ресурсов.

Более 60% фермеров и владельцев ЛПХ (ЛТХ) занимаются животноводством (овцы, крупный рогатый скот, производство мяса, молока), 65% индивидуальных предпринимателей производят на рынок шерстяные и трикотажные изделия, 10% производят овощи.

Основной ресурс, которым располагают фермеры, ЛПХ (ЛТХ), индивидуальные предприниматели — это земля и производственно-хозяйственные постройки.

Средний размер земельного участка у 70% обследованных составляет площадь до 1 га.

В то же время есть и крупные хозяйства — 13% фермерских (крестьянских) хозяйств, ЛПХ (ЛТХ) располагают земельными участками площадью от 1 га до 5 га, а у 17% этот земельный ресурс составляет от 50 га до 250 га.

Жилые строения при этом, как правило, имеют общую полезную площадь в среднем до 100 кв. м.

Производство продукции в ЛПХ равно, как и в фермерских (крестьянских) хозяйствах, носит четко выраженный товарный характер — 98% обследованных хозяйств реализуют на местных рынках до 100% своей продукции, и лишь 2% половину ее объема.

Владельцы фермерских (крестьянских) хозяйств и ЛПХ относительно высоко оценивают рентабельность своего бизнеса — 70% из них имеют рентабельность бизнеса на уровне 20—30%, около 10% из них имеют рентабельность более 30%, 25% оценивают рентабельность бизнеса

на уровне до 10%. Лишь 5% от числа обследованных получили средства из бюджета района на развитие бизнеса [31].

Обследование показало, что торговые хозяйственные и кооперационные связи предприятий и хозяйств малого бизнеса с крупными компаниями остается скорее исключением, чем правилом. Лишь 4% обследованных хозяйств имеют такие связи с крупными компаниями, в основном закупочными, торговыми.

Таковыми крупными предприятиями КЧР являются: ООО «Меркурий», ОАО РАПП «Кавказ-мясо», ОАО «Фирма Юг-молоко», ООО «ФХ Фирма Сатурн», ОАО «Даханаго», ОАО «Висма», Уральская горно-металлургическая компания (УГМК) «Евроцемент», Агрокомбинат «Южный», Фабрика по переработке шерсти, автомобильный завод Derways.

Таким образом, проведенное социологическое исследование полностью подтвердило гипотезу о высоком уровне товарности хозяйственных практик населения региона и базовом значении воспроизводимых ими ресурсов для экономики Карачаево-Черкесской Республики.

Сложившиеся формы втягивания ресурсов традиционных хозяйственных практик (этноэкономики) периферийных регионов Юга России в рыночные потоки движения капитала и труда создают материальные и институциональные предпосылки для повышения уровня их капитализации и использования в инвестировании экономического роста всей экономики.

Стратегии капитализации этих ресурсов связаны, прежде всего, с развитием институтов защиты прав собственности

и контрактных отношений в сфере этноэкономики, повышением эффективности нормативно-правовой базы защиты территориальных ресурсов мелкотоварного сектора от избыточного давления экстерриториального капитала.

Особое значение при этом имеют меры по снижению институциональных дефицитов в развитии предпринимательства во

всех секторах многоукладного хозяйства периферийных регионов, по конвергенции разобщенных рынков региона на базе создания современной транспортно-логистической инфраструктуры и развития форм кооперационных связей малых товаропроизводителей, фермерских (крестьянских) хозяйств с крупными сетевыми бизнес-структурами.

Примечания:

1. Freeman C. Technology policy and economic performance. N. Y., 1987. 155 p.
2. Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Российская газета. 2015. 24 сент.
3. Батчиков С., Жуковский В. Очередная официальная попытка оправдания тупикового социально-экономического курса (о правительственном отчете — 2014) // Российский экономический журнал. 2015. № 2.
4. Фролов А.С. Проблемы планирования научно-технологического развития на государственном уровне // Проблемы прогнозирования. 2014. № 6.
5. Винслов Ю. Федеральный Закон о промышленной политике: снова об актуальности законодательной новации как типовой, о системных изъянах и направлениях доработки конкретной версии документов // Российский экономический журнал. 2015. №3.
6. Юг России: институты и стратегии модернизации экономики. М.: Вузовская книга, 2014.
7. Иншаков О.В. Эволюционная экономика и экономическая генетика // Экономическая наука в современной России. 2004. С. 54.
8. Стерликов Ф.Ф. Модели хозяйствования // Экономические науки. 2012. № 3.
9. Мюрдель Г. Азиатская драма: исследование бедности народов. М., 1968.
10. Манзанова Г.В. Трансформации хозяйственных практик в этнокультурном сообществе Бурятии: традиции и новации // Вестник НГУ. Сер. Философия. 2013. Т. 11, вып. 2.
11. Ламажай И.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знания. Понимания. Умения. 2011. № 3.
12. Экономическая модернизация России: макроэкономическая динамика и региональное развитие. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2006.
13. Черноус В. Модели экономического развития Северного Кавказа обострили межэтнические проблемы. 13.05.2013 // Российский институт стратегических исследований. URL: <http://riss.ru/analitics/3414>.
14. Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2012.
15. Уолдинггер Р., Олдриг Х., Уорд Р. Этническое предпринимательство // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.
16. Овчинников В.Н. Институциональный потенциал модернизации многоукладной экономики Юга России: влияние внешней среды // Модернизационный потенциал российской экономики и общества. Ставрополь: Изд-во Ин-та дружбы народов Кавказа, 2011.
17. Новицкий Н.А. Инновационная экономика России: теоретико-методологические основы и стратегические приоритеты. М.: Либроком, 2009. 328 с.
18. Атлас социально-экономических проблем, угроз и рисков Юга России: в 4 т. М.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009-2012.
19. Северный Кавказ: проблемы экономики и политики / под ред. А.А. Язьковой. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
20. Северный Кавказ: модернизационный вызов. М.: Дело, 2011.
21. Липина С.А. Стратегические приоритеты социально-экономического развития республик Северного Кавказа: пути и методы их достижения. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
22. Заруцкий С.А. Неравномерность развития Юга России: современные тенденции // Юг России: проблемы, прогнозы, решения. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.
23. Атлас социально-экономического развития Юга России. М.: Вузовская книга, 2011.
24. Черноус В.В. Консолидация российского общества — стратегическая цель государственной национальной политики России // Социально-культурная консолидация сов-

ременной России: материалы междунар. науч. конф., 12-14 марта 2013 г. Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. С. 28-33.

25. Гурба В.М. Терроризм в регионах адатных культур (на примере Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Новочеркасск, 2011.

26. Ильин А.Г. Освоение сложных технологий в нефтеперерабатывающей промышленности СССР. Омск, 1982.

27. Географические проблемы развития крупных экономических районов. М., 1964.

28. Багомедов М.А. О совершенствовании государственного регулирования социальной сферы регионов // Вопросы экономики: теория и практика. 2011. № 1-3.

29. Бабич И. Культура и быт дагестанского села в 50-60-е гг. XX в. // Этнография Кавказа. 1971. Вып. 3.

30. Аккиев М.И., Аккиева С.И. Проблемы модернизации традиционной системы хозяйствования народов Центрального Кавказа и перспективы развития этнотуризма // Модернизация полиэтнического макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014.

31. Основные показатели социально-экономического положения субъектов РФ в I полугодии 2013 г. // Российская газета. 2013. 13 сент.

32. Регионы России: социально-экономические показатели. М., 2014.

33. Социально-экономический потенциал как основа поступательного развития постперестроечной России. Ч. III. М.: Экономика, 2015.

34. Организация опросов осуществлялась на базе Карачаево-Черкесского филиала ЮФУ в пос. Учкеек д-ром экон. наук, проф. Тамбиевым А.Х. и Кубанского государственного университета д-ром экон. наук, проф. Дармиловой Ж.Д.

References:

1. Freeman C. Technology policy and economic performance. NY.1987. 155 pp.
2. Medvedev D.A. New Reality: Russian and global challenges // the Russian newspaper. September 24, 2015.
3. Batchikov S. Zhukovsky V. The next official attempt at justifying the dead-end socio-economic course (on the government report — 2014) // Russian Economic Journal. 2015. № 2.
4. Frolov A.S. Planning problems of scientific and technological development on the state level // Problems of Forecasting. 2014. № 6.
5. Vinslov Yu. Federal Law on industrial policy: again about the relevance of legislative innovations like the standard of system flaws and the directions of improvements specific versions of documents // Russian Economic Journal. 2015. №3.
6. South Russia: institutions and strategies of economic modernization. M.: University book, 2014.
7. Inshakov O. V. Evolutionary Economics and economic genetics // the Economic science in modern Russia. 2004. P. 54.
8. Sterlikov F. F. Models of management // Economics. 2012. № 3.
9. Myrdal G. Asian drama: an inquiry into the poverty of nations
10. Manzanova G.V. Transformation of business practices in the ethnocultural community of Buryatia: traditions and innovations // Vestnik NSU. Series. Philosophy. 2013. Vol. 11. Issue 2.
11. Lamazhaa Ch. K. The archaization of society in the period of social transformations // Knowledge. Understanding. Skill 2011. № 3
12. The economic modernization of Russia: macroeconomic dynamics and regional development. Rostov-on-Don: Publishing House RSU 2006.
13. Chernous V. Models of Economic Development of the North Caucasus exacerbated ethnic problems. 13/05/2013 // The Russian Institute of Strategic Studies.
14. Barbashin M.Yu. Institutions and ethnogenesis: the institutional reproduction of ethnic identity in the local communities. Rostov-on-Don: PI IPO SFU 2012
15. Waldinger R., Aldrich H., Ward R. Ethnic entrepreneurship // Western economic sociology Reader of modern classics M.: Russian Political Encyclopedia, 2008.
16. Ovchinnikov V.N. Institutional capacity of the mixed economy modernization of Southern Russia: the influence of the environment // The modernization potential of the Russian economy and society. Stavropol Institute of Friendship of Peoples of the Caucasus. 2011.
17. Novitsky N.A. Innovative Economy of Russia: theoretical and methodological foundations and strategic priorities. M.
18. The Atlas of socio-economical problems, threats and risks of the South of Russia. M.: publishing house. UNI, 2009-2012.

19. Northern Caucasus. Problems of economics and politics / ed. by. A.A. Yazykova. M.: Publishing House of the LCI 2008.
20. Northern Caucasus: the modernizing challenge. M.: Publishing House «Delo», 2011.
21. Lipina S.A. The strategic priorities of socioeconomic development of the North Caucasus republics: the ways and means of achieving them. M.: Publishing House of the LCI, 2010.
22. Zarutsky S.A. The uneven development of the South of Russia: current trends // South of Russia: problems, predictions, solutions. Rostov-on-Don: Publishing House of SSC RAS, 2010.
23. Atlas of social and economic development of the South of Russia. M.: High school book, 2011.
24. Chernous V.V. The consolidation of of Russian society is a strategic goal of the state national policy of Russia // Socialcultural consolidation of modern Russia: Proceedings of the Intern. scientific. Conf. (12-14 March 2013). Maikop: Publishing House of the ASU, 2013. Pp. 28-33.
25. Gurba V.M. Terrorism in the region adat cultures (on the example of the North Caucasian region): Author's summary of dissertation for Doctor of Economics degree. Novochechensk, 2011.
26. Ilyin A.G. The development of sophisticated technologies in the petroleum industry of the USSR. Omsk 1982.
27. Geographical problems of the large economic regions. M., 1964.
28. Bagomedov M.A. On the improvement of state regulation of the regions social sphere // Problems of Economics: Theory and Practice. 2011. №1-3.
29. Babich I. The culture and lifestyle of the Dagestan village in the 50-60-th years. 19 century // The ethnography of the Caucasus. Issue. 3. 1971.
30. Akkiev M.I., Akkieva S.I. Problems of economic modernization of the traditional system of the peoples of the Central Caucasus and prospects of development of ethnic tourism. // Modernization multiethnic macro-region and the neighboring countries: experience, problems and development scenarios. Rostov-on-Don: publishing house. SSC RAS, 2014.
31. The main indicators of socioeconomic status of the subjects of the Russian Federation in the first half in 2013 // the Russian newspaper. September 13, 2013.
32. Regions of Russia. Social and economic indicators. M. 2014.
33. Social and economic potential as a basis for the progressive development of post-rebuilding (perestroika) Russia. Part III. M.: Economics, 2015.
34. Organization of surveys are carried out on the basis of the Karachay-Cherkessia Branch of SFU in the village. Uchkeken doctor of Economics prof. Tambiev A.Kh. and Kuban State University doctor of Economics prof. Darmilova Zh.D.